

*В. А. Мешков
(Евпатория)*

Илья Сельвинский и Сергей Есенин

Илья Сельвинский, современник Сергея Есенина, будучи сам поэтом, стремившимся к высоким достижениям в своем творчестве, не мог не следить за судьбой и творчеством своего коллеги по поэтическому ремеслу. Есенин был старше на четыре года, он еще до революции приобрел известность как талантливый крестьянский поэт, печатался в популярных изданиях и у него уже вышли книжки стихов. Сельвинский в то время был еще гимназистом и делал только первые шаги на поэтическом поприще.

В революцию и гражданскую войну пути поэтов тоже существенно различались. Сельвинский находился в гуще событий борьбы за советскую власть в Крыму, он с гордостью всю жизнь вспоминал это время, что потом вылилось в большой роман «О, юность моя!» (1966). Илья Львович впоследствии отмечал: «Летом 1919 в моей жизни произошло важное событие: я прочитал первый том „Капитала“. Книга эта произвела на меня такое огромное впечатление, что в честь ее автора я тут же приписал к своему имени имя „Карл“» [1, с. 11]. Веру в социальное воплощение идей марксизма Сельвинский сохранял до конца, активно участвуя, как поэт, писатель и публицист в жизни советской страны.

Есенин о том же времени вспоминать не любил. В автобиографиях он ограничивался краткими сведениями: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном» [2, с. 20].

В другом варианте Есенин приводил некоторые подробности: «За годы войны и революции судьба меня толкала из стороны в сторону. Россию я исколесил вдоль и поперек, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского моря, от Запада до Китая, Персии и Индии.

Самое лучшее время в моей жизни считаю 1919 год. Тогда мы зиму прожили в 5 градусах комнатного холода. Дров у нас не было ни полена.

В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее.

<...>

В России, когда там не было бумаги, я печатал свои стихи вместе с Кусиковым и Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал просто где-нибудь на бульваре. Самые лучшие поклонники нашей поэзии — проститутки и бандиты. С ними мы все в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению» [3, с. 10].

Что касается Карла Маркса, то к нему у Есенина было явно скептическое отношение, которое он открыто выражал в своих стихах:

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.
«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.
Возвращение на родину. 1924

Даже уступая своим друзьям-коммунистам, которые считали, что советский поэт не может обойтись без знания хотя бы основ марксизма-

ленинизма, Есенин все равно не обходился без иронии и насмешливости по этому поводу:

Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.
Стансы. 1924

Тем не менее, и революционный романтик Сельвинский, и крестьянский поэт Есенин были отнесены советской властью в одну литературную категорию того времени – попутчиков. Есенин даже отмечал это еще в одном варианте автобиографии: «В революции был отмечен Троцким как попутчик. Крайне индивидуален. Со всеми устоями на советской платформе» [4, с. 10]. Но и Сельвинский мог о себе сказать то же самое, он ценил свою самобытность и индивидуальность, он тоже всегда был «на советской платформе», но в отличие от Есенина, участвовал в борьбе за советскую власть. Оба поэта не принимали «партийной дисциплины», которая обязывала коммунистов выполнять самые жестокие приказы во время братоубийственной гражданской войны. Сельвинский выразил это только много лет спустя в романе о своей боевой юности, а Есенин был в этом смысле гораздо смелее и говорил об этом в своих стихах:

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой

Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?
Русь уходящая. 1924

А вот Сельвинский даже в 1960-х годах фактически выражал свои мысли того же времени в заключительных строчках автобиографического романа через мысли главного героя: «Думал о революции... Он любил эту грозную стихию, как что-то живое, очень личное при всей ее эпохальности. Он выстрадал ее. Она была его жизнью и несла ему такие надежды, какими Россия никогда не обладала. Россия... Россия, объятая революцией... Было ли на свете более возвышенное время?!...» [5, с. 518]. В 1921 году, начав занятия в «коммунистической аудитории» МГУ, Сельвинский дает себе клятву стать «поэтом революции».

При всем различии отношения поэтов к революции и новой советской действительности 1920-х годов, попав в категорию попутчиков, им оказалось не просто найти свое место в жизни страны. Есенин был более бескомпромиссным человеком, и это привело его к ранней гибели в 30 лет. Сельвинский, уже став известным поэтом, тоже начал испытывать «ежовые рукавицы» властей, вынужден был идти на компромиссы, и каким-то чудом избежал репрессий. Ведь его пьесы ставил Мейерхольд, расстрелянный в 1938 году, а Сталин, как рассказал однажды сам Сельвинский, считал, что «его очень любили Троцкий и Бухарин» [6, с. 102].

Но в начале 1920-х годов развитие советской литературы происходило в более свободных условиях. Существовало много поэтических направлений и групп, провозглашавших свои программы и манифесты, издававших свои журналы, сборники и альманахи и т.п. Эти группы враждовали между собой, иногда дело доходило даже до драк, и не только литературных. Это время

Сельвинский отразил в поэтической повести «Записки поэта», герой которой Евгений Ней наряду с другими поэтами упоминает Есенина:

А за гущей рифмэтров, критиков и любопытных
В далеком углу сосредоточенно кого-то били.
Я побледнел: оказывается, так надо –
Поэту Есенину делают биографию.

Эти строки, часто рассматриваемые как иронические, на самом деле по прошествии многих лет обретают и другой смысл: Есенин, вскоре после возвращения из-за границы расставшийся не только с Дункан, но и с имажинистами, стал подвергаться в Москве не только моральной, но и физической травле. Многие скандалы провоцировались умышленно людьми, втершимися в окружение поэта. Возможно, что строки Сельвинского являются отзвуком одного из последних конфликтов Есенина и Пастернака в ноябре 1925 года, о котором ходило много версий и слухов. Сам Пастернак позже признавал: «В моих столкновениях с Есениным больше был виноват я сам, нежели он. Я сам на это напрашивался и подавал повод» [8, с. 492].

Как известно, Есенин в свое время был одним из создателей группы имажинистов (начало 1919 года). Поэтические группы того времени всеми средствами стремились привлечь к себе внимание, часто весьма скандальным образом, как упомянутая выше «роспись стихами» Страстного монастыря.

Но об имажинизме и имажинистах, их декларациях и манифестах написано много, в том числе и самими членами группы. С публикации программных заявлений и деклараций, начала в 1922-1924 годах свою деятельность группа конструктивистов, одним из лидеров которой стал Сельвинский. Приехав в Москву в 1921 году, он за три года заставил о себе говорить, как молодом и талантливом поэте. В конце 1924 года Ю. Тынянов публикует статью о 12 наиболее заметных советских поэтах, в число которых он включает и Есенина, и Сельвинского [7].

В середине 1925 года под редакцией К.А. Зелинского и И.Л. Сельвинского выходит сборник Литературного Центра Конструктивистов «Госплан литературы» с приложением газеты «Известия ЛЦК». В ней публикуется «маленький фельетон» под названием «Рецепты литературных блюд (Подарок молодым хозяйкам)», где один из «рецептов» относится к Сергею Есенину: «Лапоть подпоясывают ремешком, расчесывают кудри русые и сажают верхом на корову. В таком виде въезжают в Москву. Затем берется много пива, много битых стекол, разудалая русская душа, песни под тальянку, и все выливается в цилиндр европейского покроя.

Кушанье в соприкосновении начинает бурно бурлить» [8, с. 349-350].

Такие злые пародии были не редкость в литературной борьбе того времени, так новые литературные группы имели смелость самоутверждаться, насмехаясь над «кумирами» и «любимцами публики» от поэзии. Что касается личного общения Есенина и Сельвинского, то сведений об этом найти не удалось. Есенин в 1921 году выступал на поэтических вечерах, в том числе в Политехническом музее, и их мог в качестве зрителя посещать Сельвинский. Но в октябре 1921 года Есенин знакомится с Айседорой Дункан, и своей поэтической деятельности уже не уделяет такое время, как раньше. 10 мая 1922 года вместе с Дункан он отбывает за границу, где находится до 2 августа 1923 года.

По возвращении происходит разрыв Есенина с Дункан, и он начинает более активную литературную деятельность. Сельвинский мог посетить авторский вечер С. Есенина в Большой аудитории Политехнического музея 21 августа 1923 г. Попытка Есенина изложить «доклад» о своих зарубежных поездках закончился смехом аудитории, когда он упомянул о «пятнадцати чемоданах», с которыми они с Дункан приехали в США. Ситуацию исправило чтение Есениным своих новых стихов: «Публика долго не расходилась и требовала от Есенина все новых и новых стихов. И он читал, пока не охрип» [9, с. 53].

Есенин в 1924 году объявил о роспуске группы московских имажинистов, но бывшие друзья обратили этот демарш против него. В печати они отреклись от Есенина, что фактически означало отход поэта от имажинизма.

Незадолго до смерти Есенина в той же Большой аудитории Политехнического музея на 29 ноября 1925 года был объявлен вечер «Поэзия наших дней». В афише участники представлялись в составе групп: символисты, акмеисты, имажинисты, футуристы и т.д. В группе конструктивистов были И. Сельвинский, В. Инбер и др. Среди поэтов «Вне групп» был объявлен и С. Есенин. Но Есенин выступать не мог, он находился на лечении в психиатрической клинике 1-го Московского госуниверситета. Так что возможная встреча поэтов на общем поэтическом вечере не состоялась.

Сам Сельвинский не оставил воспоминаний о встречах с Есениным. Но такие воспоминания оставил его ближайший соратник по конструктивизму и близкий друг К.Л. Зелинский, который упоминает, что бывал на вечерах Есенина. Он познакомился с ним в 1923 году в редакции журнала «Красная новь». После ухода поэта, Зелинский в беседе с редактором этого журнала А.К. Воронским задавался вопросом «тайны нечаянной славы Есенина», «просверкавшего словно ракета над двумя материками». В годы «оттепели» Зелинский опубликовал мнение Воронского, высоко оценивавшего поэзию Есенина: «...Есенин наш потому, что он с народом. Но берет он за душу не призывами, как Безыменский и Маяковский. <...> В истории русской поэзии я, пожалуй, не назову другого столь непосредственного поэта. <...> Такое чувство, что его поэзия бьется в нашей руке, как сердце пойманной птицы. И ладонь сама разжимается, чтобы дать свободу этому живому ощущению полнейшей непосредственности. И, наконец, Есенин удивительно русский человек. У какого русского не дрогнет душа в ответ на его строки о Руси. Вот уж верно он сказал о себе: „А в сердце светит Русь“» [9, с. 89-90]. Но мысли

Воронского о Есенине, как видно, не произвели в то время впечатления на Зелинского.

Вскоре в статье для одесского журнала он не нашел для Есенина подобных слов: «В „кафе“ остался Есенин с приятелями. Покуролесив и написав книгу „Москва кабацкая“ – Есенин уехал из Москвы и теперь изучает грузинский быт в Тифлисе» [8, с. 210-211]. Судя по этому, а также с учетом «Записок поэта» и представленного выше «фельетона» в издании конструктивистов, можно сделать заключение, что в последние годы жизни Есенина, как и Зелинский, Сельвинский не видел трагических обстоятельств жизни поэта, поверхностно оценивал его творчество, а его популярность и славу они считали «случайной». В своих воспоминаниях Зелинский признавался: «В молодости мне мешала понять Есенина принадлежность совсем к другому направлению в литературе. Сначала я увлекался Маяковским, Лефом, потом конструктивистами. А жизнь Есенина шла мимо, другой стороной» [10, с. 357]. К чести Сельвинского и Зелинского можно отнести то, что в отличие от Маяковского, Безыменского и других поэтов и литераторов, они не присоединились к поощряемой сверху кампании «борьбы с есенинщиной».

В результате этой кампании, хотя после смерти Есенина было издано его 4-х томное собрание сочинений, вскоре наступило время запретов, о котором, например, очевидец тех событий сообщал: «А чтение Есенина? Ведь всё мы забываем. Ведь скоро объявят нам: „так не было, Есенин всегда был почитаемым народным поэтом“. Но Есенин был – контрреволюционный поэт, его стихи – запрещенная литература» [11, ч. III, гл. 10, с. 191]. Этот запрет то смягчался, и иногда Есенина издавали, то ужесточался, и «за Есенина» люди получали реальные сроки по статье 58-10: АСА – антисоветская агитация или КРА – контрреволюционная агитация.

Поэтому благоразумные люди и литераторы держались от Есенина и его творчества в стороне. Казалось бы, тем более Есенина окончательно забудут во время войны. Но произошло обратное. Война всколыхнула

патриотические чувства русского народа, заставила вспомнить его лучших представителей, значительных исторических личностей, независимо от их идеологических или религиозных убеждений. Вопреки расхожей «мудрости» – «Когда говорят пушки, музы молчат», - многие поэты и литераторы своим талантам и способностям, как могли, искали и находили возможности применения в борьбе с фашистскими захватчиками. На фронт отправился и И.Л. Сельвинский в качестве фронтового корреспондента. Приходилось при этом и ему держать в руках оружие, участвовать в боях и получить ранение. А в походных сумках офицеров и солдат часто находилось место книгам стихов известных русских и советских поэтов, и в том числе Сергея Есенина.

На уровне советского руководства поняли, что творчество Есенина является одним из средств подъема патриотических чувств, воспитания любви к Родине, к России. Это можно понять из воспоминаний того же Корнелия Зелинского: «Есенин вошел в мою жизнь поздно. Во время войны. Нужно было написать статью о нем для Совинформбюро. Я стал перечитывать Есенина и уже не мог отделаться от обаяния его поэзии...» [10, с. 357]. Не следует обольщаться этими словами. Корнелий Люцианович, в 1930 году отрекшийся от конструктивизма и осудивший его, к этому времени хорошо овладел литературным «искусством угадать и угодить» идеологическому руководству.

А вот Илья Львович Сельвинский этим «искусством» за всю свою жизнь так и не овладел. Свое искреннее отношение к Есенину и его творчеству он отразил в большой статье «Сергей Есенин», но она осталась неопубликованной при его жизни. К счастью, она сохранилась в Музее И.Л. Сельвинского и была предоставлена автору при работе над этой статьей. Лишь небольшая ее часть была опубликована уже после смерти Ильи Львовича.

В сноске к публикации мелким шрифтом пояснялось: «В конце 1945 или начале 1946 года редактор „Октября“ Ф. Панферов задумал печатать в журнале серию статей о видных наших поэтах и писателях. Сельвинский

сделал заявку на статью о Есенине. Он увлеченно взялся за работу, перечитывал Есенина, часто и охотно в эту пору говорил о нем. Статья много раз переделывалась, о чем свидетельствуют рукописи. Но не была опубликована. В дальнейшем Сельвинский к работе над статьей не возвращался. Рукопись ее хранится у Л. Озерова» [12, с. 155].

Неизвестно, насколько машинописный экземпляр статьи, имеющийся в музее, соответствует другим вариантам. Но в его левом углу различима надпись без указания даты «Вернуть автору». Поэтому, скорее всего, это окончательный вариант, отвергнутый редакцией журнала. В противном случае, автору предлагалось доработать статью, или исправить какие-то места в тексте. Но помимо литературных или идеологических недостатков статьи, в то время Сельвинский был «запятнанным» в глазах партийного руководства: он фигурировал в партийных постановлениях 1943 и 1946 гг. как автор «антихудожественных и политически вредных произведений» [6, с. 99].

Но возникает вопрос, что же мешало опубликовать полностью статью о Есенине в 1970 году? К тому времени о Есенине уже было много написано, издавались книги его стихов, собрания сочинений, воспоминания о нем. Однако усилиями все того же К.Л. Зелинского, Ю.Л. Прокушева и др. в угоду идеологии того времени Есенин был «приспособлен» к ее требованиям. Для этого искажались его произведения, вычеркивались неудобные строчки, фальсифицировались воспоминания о нем, изымались и скрывались «крамольные документы» и факты. Тем не менее, эти «редакторы» Есенина ставили себе в заслугу, что хоть таким путем, но они сделали Есенина широко доступным.

Сельвинский ставил себе задачи совсем другие. Он хотел проследить путь Есенина с его начала, ответить на вопросы: «Какая же сила таится в этом имени? Чем привлекает оно нашего читателя?». В его статье появляются имена репрессированных поэтов Н. Клюева и С. Клычкова, Христа, Сергия Радонежского, композитора Стравинского. Все эти имена

были идеологически неприемлемы, как в 1946 году, так и в 1970. Упоминание вождя в контексте: «Гениальной формулы Сталина о новой культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию, Есенин не знал да и не мог знать» – не спасало ситуацию в 1946 году, и играло против Сельвинского в 1970 году.

Напечатана была только вторая половина статьи, где Сельвинский анализировал лирику Есенина. Он находит такие слова для поэта, сравнивая его поэзию с выдающимися произведениями живописи: «Сергей Есенин для меня это прежде всего нарядное пиршество цвета, насыщающего сердце и делающего жизнь светлее, а глаза шире. Этого вполне достаточно для бессмертия. Вместе с есенинскими красками в поэзию вошел целый словарь чудесных, пахнущих цветами и травами слов и оборотов крестьянина средней России» [12, с. 156-157].

Некоторые мысли Сельвинского предвосхитили последующие суждения есениноведов, некоторые могут сегодня показаться спорными, некоторые ошибочными. Например, такое суждение: «Народ умеет благодушно проходить мимо чрезмерных наивностей Есенина, когда тот, например, лирически терзается, из-за того, что конную тягу заменил механический транспорт». Здесь имеется в виду маленькая поэма Есенина «Сорокоуст», многоплановое произведение, где поэт уже тогда ощутил ту бездуховность, которую несет индустриальное общество. А в оценке Сельвинского сказалась конструктивистская закваска, когда они пытались «связать логику технического строительства с законами поэзии».

Здесь сказалось то, что Сельвинский не встречался и не общался с Есениным лично. А вот Зелинский из одной встречи с Есениным запомнил важные мысли поэта, многое для него объяснившие много лет спустя: « – Наша Россия – вот это страна поэзии. Это ничего, что мы пока еще бедны. <...> Догоним. Нам бежать легче. А в Америке их техника человека съела. У них главное не техника, а доллар. Вот кто враг поэзии. Это вы запомните...». Сегодня мы понимаем, что Есенин, поживший в Америке, не нашедший там

места для себя и своей жены Айседоры Дункан, знал о чем говорил, а его суждение сегодня приложимо не только к американскому капитализму, но и к постсоветским странам, строящим капитализм.

В заключение своих воспоминаний о единственной встрече с Есениным, Зелинский отметил: «Меня тогда удивили рассуждения Есенина. Я с ним не согласился. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что Есенин более трезво смотрел на вещи, чем я. И хотя мы по возрасту были ровесниками, но разговаривал он со мной, как старший, много переживший человек...» [10, с. 359].

Конечно, статья Сельвинского сегодня имеет в основном исторический интерес, и не только для есениноведов, но и для всех любителей поэзии. Илья Львович был человеком своего времени, своей эпохи, а заключительные строки его статьи являются искренним свидетельством чувств к Есенину поэта-фронтовика, еще полного ощущением Великой Победы: «Война с фашизмом обострила нашу любовь к родине до невиданных пределов. Так любят только тогда, когда любимое хотят отнять, изуродовать, уничтожить. В боях с германским чудовищем мы вспомнили всю свою историю, всю нашу природу, всех мыслителей наших, всех певцов. И среди них, конечно, Есенина. После страшной битвы с иноземными захватчиками голос Сергея Есенина стал для нас особенно родным» [12, с. 159].

Литература

1. Сельвинский И.Л. Черты моей жизни // Крымские пенаты: альманах лит. музеев Крыма. № 2: темат. сб. к 100-летию со дня рождения И.Л. Сельвинского. Симферополь: Крымская академия гуманитарных наук, 1996. С. 5-20.

2. Есенин С.А. О себе (1925) // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995—2002. Т. 7, кн. 1: Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты. 1999. С. 18-20.

3. Есенин С.А. Сергей Есенин (1922) // Там же. С. 8-10.
4. Есенин С.А. Автобиография <1923> // Там же. С. 11-13.
5. Сельвинский И.Л. О, юность моя! М.: Советский писатель, 1967. 520 с.
6. Бабенко В., Гаврилюк В. «Нет, я нелегкой жизнью жил...» // Крымские пенаты: альманах лит. музеев Крыма. – № 2: темат. сб. к 100-летию со дня рождения И.Л. Сельвинского. Симферополь: КАГН, 1996. С. 88-107.
7. Тынянов Ю. Промежуток (О поэзии): Есенин – Ходасевич – Казин – Ахматова – Маяковский – Сельвинский – Хлебников – Пастернак – Мандельштам – Тихонов – Асеев – Безыменский // Русский современник. № 4. М.-Л., 1924.
8. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 5, кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 832 с.
9. Там же. Т. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
10. Зелинский К.Л. В «Красной нови» в 1923 году // Воспоминания о Сергее Есенине: сб. / под общей ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965. 520 с.
11. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Москва: ИНКОМ НВ, 1991.
12. Сельвинский И.Л. Отрывок из работы об Есенине // Вопросы литературы. 1970. № 2. С. 155-159.